

УДК 930.1; 130.2

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ – ДЕЛО ТОНКОЕ, ИЛИ НАРОДЫ ВОСТОКА – КТО ОНИ? (к вопросу о терминах и смыслах)

© 2018. *Г.Э. Даниленко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье анализируются базовые понятия современной востоковедческой науки. Выделяются разные типы рецепции и интерпретации понятий «востоковедение», «Восток», «страны Востока», «народы Востока». Предлагаются принципы и критерии, в соответствии с которыми, по мнению автора, необходимо произвести терминологическое переосмысление этих понятий.

Ключевые слова: Восток, востоковедение, страны Востока, народы Востока, терминологический анализ.

Интерес к различным аспектам культуры и религии Востока со стороны западной научной мысли в последние десятилетия заметно возрос. Во многом это связано с процессами глобализации, а также духовного кризиса западной цивилизации и возникшей социальной потребностью поиска новых путей духовного развития. Ориенталистика (или востоковедение) представляет собой совокупность целого ряда научных дисциплин, изучающих историю, экономику, литературу, языки, искусство, религию, философию, этнографию, памятники материальной и духовной культуры стран Востока. Часто в смысловое поле этого понятия включается и африканистика. Как и в любой научной отрасли, в востоковедческих исследованиях очень важна терминологическая точность и наличие базового категориального аппарата, что тесно связано и с определением границ предметного поля проводимых исследований.

Целью данной работы является философское исследование терминологического и семантического аспектов самого понятия «востоковедение», а также определение его методологического статуса в современной науке.

Терминологический анализ – эмпирически первая (так как исследователь сталкивается с ней в самом начале своей научной работы) и логически первичная (как первоочередная логическая операция – определение понятий) методологическая процедура. Любой термин от частого употребления, субъективного когнитивного анализа и коммуникативной инфляции приобретает множество производных и часто произвольных смысло-форм. В наше время с научными терминами часто происходит тот же процесс симулякризации, который мы наблюдаем во всех сферах современного общества (увы, в науке это случается так же часто, как и в политике, экономике и т.д.). Сущность понятия «уточняется» смыслами, которые привносятся с каждым новым «уточнением» его содержания. Мы считаем, что развитие научной терминологии должно идти по пути уточнения исходного содержания, а не в сторону переформирования (посредством уточнений, подмен, симуляции) и смыслообразования новых смыслов. Развитие терминосферы научного познания может происходить за счёт обоснованного расширения самого терминологического аппарата: введения новых терминов, содержащих новые смыслы (возможно более узкие, уточняющие прежний, более общий смысл исходного понятия, или, наоборот, обобщающие понятийный объём последнего). Другой путь совершенствования терминосферы науки – конструирование и трансформация терминов путем приращения к существующим

терминам других общепризнанных терминов или структурных частей (префиксов, суффиксов). Но – не «переосмысление» и не «уточнение смыслов». Такое смыслотворчество зачастую превращается в когнитивное насилие над научным языком, смысловую агрессию против терминосферы науки. Прямо противоположный подход к развитию терминосферы научного познания демонстрируют сторонники конвенциональной сущности языка науки. Критерий актуальной общепризнанности (соглашательский, по-сути, принцип) смысла того или иного термина в этом случае является приоритетным (более значимым, чем этимологическая обусловленность или авторское право на первоначальное значение вводимого термина). Признанные же научной общественностью смыслы (общепринятые значения) не подлежат дальнейшему пересмотру (имеют фиксированный статус), дабы не усложнять и без того понятийную сложность (часто – попросту понятийную неопределённость) научных терминов. В теории это может зафиксировать общепризнанное (общепринятое в научном языке) значение термина. Но в силу практической, реальной жизни языка вообще и научного в частности, термины переживают как естественную эволюцию, так и искусственную селекцию исходных значений. Так, например, понятия «культура» и «цивилизация» претерпели за свою, в общем-то, короткую в науке жизнь сотни интерпретирующих (по-сути, искажающих, а не уточняющих смысл) аббераций. Часто дело обстоит таким образом: беря за основу одну из «общепринятых» дефиниций (ту, что попонятней или под руку подвернулась) исследователь считает своим личным правом как учёного принять соучастие в понятийном смыслотворчестве. Определять предмет всегда трудно. Лучшей стратегией мы считаем определение сути феномена до конвенциональных процедур его познания.

Вообще, методологическое своеволие и терминологические вольности (а зачастую – вульгарное опрощение научного языка) можно считать нормой современного научного общения. Так, например, в пространстве исторического и философского дискурса давно получили прописку различные постмодернистские стратегии – метафорические, метонимические, синекдохические, иронические и прочие семантические фигуры речи. Из области ораторского искусства эти софистические, в сущности, стратегий проникли в сферу научной терминологии, что неизбежно приводит к методологической и эпистемологической анархии. Известный исследователь и знаток всех тонкостей стилистики постмодернистского дискурса А.В. Лубский так охарактеризовал субъективистскую и релятивистскую сущность последнего в современной исторической науке: «Исторические труды представляют собой вид литературного творчества, который функционирует в рамках определенных риторических правил..., основным принципом которых выступает положение «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть»)» [1, с. 403]. То же с полной уверенностью можно утверждать и в отношении всего комплекса гуманитарных наук. Здесь стоит заметить, что строгие методологические нормы вытесняются не только в гуманитарных, но и в естественных науках (примером тому – цветовые заряды кварков в квантовой хромодинамике): в чём-то лирики потеснили физиков, причём на поле последних.

Переходя от общих замечаний к востоковедческой терминологии можно заметить, что, например, термин «номадология» давно заангажирован в постмодернистский терминологический аппарат (впрочем, совершенно своевольно и ни лингвистически, ни логически не обоснованно). Поэтому возможность использования его в номенклатуре востоковедческих наук крайне затруднено. При этом, термины «номады» (кочевники) и «номадизм» (кочевой образ жизни) являются общеупотребимыми именно в востоковедении. Думается, что термины «номадология»

и «номадолог» также должны занять свое место в научном востоковедении. Так же, в последние годы в научной литературе всё чаще встречается слово «востоковедный» вместо «востоковедческий»: «востоковедная наука», «востоковедные исследования», «востоковедная тематика» и т.п. Но ведь «востоковедческий» – значит, относящийся к востоковедению, а «востоковедный» – к востоковедам. Кажется, такое использование терминов очевидно (очевидно – не всем).

Но перейдём от примеров очевидных к более латентным. Само слово «востоковедение» в русском языке означает «учение о Востоке», «знание о Востоке» – как некое наличное знание, единое целое (определяется в единственном числе). Тогда как в других европейских языках, как правило, употребляется множественная форма определения объекта выраженное в форме незавершённого действия, процесса – «восточные исследования» или «исследования Востока»: *oriental studies* (англ.), *Orientalische Studien* (нем.), *études orientales* (фр.), *estudios orientales* (исп.), *studi orientali* (ит.), *orientální studia* (чех.), *orientalne studia* (пол). Этому соответствуют и многочисленные институты и различные исследовательские сообщества под названиями: *The Oriental Institute*, *Institute of Oriental Studies*, *Society of Oriental Research*, *Oriental Research Institute*, *Orientalisches Seminar*, *Morgenländische Gesellschaft*, *d'Etudes de l'Orient*, *Istituto per L'oriente*, *Istituto di Studi orientali*, *School of Oriental Studies* и *Oriental Society*, *Orientalni Ústav*, *Orijentalni institut* и т.п. (на русский язык почему-то всегда переводят неверно как институты, школы и общества «востоковедения», а не – «Востока» или «восточный»). Полисемантичесность понятия «востоковедение» определяется многими причинами. И это многообразие не является чем-то фиксированным, данным раз и навсегда. Напротив, возникают новые семантические поля, новые «языковые игры», в которых по-разному обыгрываются понятия «Восток» и «востоковедение», в то время как другие языковые игры устаревают и забываются.

Традиционные подходы к определению понятия «Восток» – ещё от древних греков – географический и этнографический. Под Востоком они понимали Персию и другие страны и народы, находившиеся восточнее греческого мира. Так у Страбона, например, Азия = Восток располагается между Ливией и Индией) [2, с. 639]. Однако стоит заметить, что греки же первыми противопоставили себя Востоку. И уже в Древней Греции это понятие – «Восток» – было не просто географическим, но глубоко мировоззренческим. Дихотомия «Восток – Запад» имела глубокий аксиологический смысл, оно стало формой обозначения противоположности эллина и варвара, «цивилизованности» и «дикости», «космичности» и «хоатичности». Таким образом, с античности уже была известна разница между европейским античным обществом и неевропейским миром, олицетворенным в то время хорошо известным грекам Востоком, будь то Египет, Вавилон или Персия. В середине XIX в., когда оформилось отечественное востоковедение, главное внимание уделялось непосредственным соседям России, какими тогда являлись Османская империя, Иран, Цинская империя. В изучении Южной и Юго-Восточной Азии успехи российского востоковедения были значительно скромнее, чем в исследовании стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, но они, безусловно, уже были [3, с. 369].

Современные интерпретации термина «Восток» – политологически, культурологически, идеологически и экономически обусловленные (мотивированные и ориентированные) – при всей своей плюралистической несводимости к общим критериям и признакам, сами по себе имеют нечто общее, а именно, общий критерий самих интерпретаций: критерий «инаковости», даже «чуждости». «Восток» воспринимается – и цивилизационщиками и формационщиками, и политологами и

культурологами – как нечто «иное» и «непонятное» (а «иное» и «непонятное» часто в сумме порождают ксенотическое отношение). Исторический Восток часто и сегодня определяется как инокультурный «другой» мир, а современный Восток – как некая «вторая» (вариант – «третья») сила, «третий мир» и т.д.

Ориентализм в таком мировоззренческом смысле – идеологически обусловленная и аксиологически окрашенная онтология «Востока» как ино-бытия «Запада». Производные от этого парадигмального мировоззренческого принципа критерии: историко-экономический (например, «азиатский способ производства»: критерий различения по оси частная/общинная собственность), политологический (по оси различения демократия/деспотия), культурологический (мир культурных ценностей западного образца/весь остальной мир) – критерии инструментального свойства (производного, не самодостаточного, подчиненного). Такая метафизическая (в методологическом смысле слова) дихотомность мышления порождает бинарную (в мировоззренческом смысле) картину мира, расколотого (во многих смыслах: парадигмально и инструментально, исторически и культурно, этно-антропологически и аксиологически) бытия человечества. Разные формы проявления этого мы находим в совершенно различных концепциях, как: «азиатский способ производства», «восточная деспотия», «восточный путь развития», «ориентальный мир», «цивилизации Востока» и т.п. Такой ориентализм – всегда лишь кривое зеркало западнизма: западный человек всматривается в восточного и не видит собственного отражения, но видит «Другого». Западный мир видит в ориентальном зеркале какой-то ино-мир, зеркально непохожий на свой мир, где все повернуто вокруг некоей оси. И эта «ось» – некая мировоззренческая ценностная парадигма (от древнегреческого ἀξία – «ценность»). Такая зеркальная аберрация восприятия порождает неизбежные ценностные аберрации.

Востоковедение – наука о странах и народах Востока. Больше – о народах, так как объектом востоковедческих исследований становятся сами восточные народы (в этнографии, этнологии, антропологии), а также различные формы их материальной и духовной деятельности (культура, политика, экономика и т.д.). Редко востоковеды исследуют такие проблемы как геология, география, ландшафтоведение, зоология, ботаника и прочее – темы классического географического страноведения. При этом, Восток – как комплексный и многосложный объект – исследуется с разных сторон многими науками. Это в свою очередь означает, что Восток изучается различными методическими комплексами.

Само востоковедение как исследовательский объект тематизируется целым комплексом разнонаправленных исследовательских предметностей и интенций. Этим объясняется вынужденная мультидисциплинарность (иначе – комплексность) науки «востоковедение». Но мультидисциплинарность в научных исследованиях хороша там и тогда, где и когда есть строгая дисциплинарная системность. А предметная структурированность (структурированность по предмету исследования) и соответствующая ей мультидисциплинарная структурированность востоковедческой науки как системного целого, кажется, также отсутствуют. Поэтому принципиальная несводимость восточниковедческих дисциплин в единое системное множество-понятие «восточниковедение» приводит к затруднениям научной классификации объекта исследования и как следствие – к методологическим ошибкам.

Полагаемые же в основание классификации любого множества разнопорядковые критерии (регионо-страноведческий, культурно-религиоведческий, лингво-этнографический и другие) приводят к фундаментальной методологической неупорядоченности и неадекватности понимания и научного общения.

В силу своей терминологической неопределенности (отсутствия единой системы определения) понятие «востоковедение» имеет, по меньшей мере, четыре маркера-критерия:

- географический (страноведческий или регионоведческий критерий);
- этно-лингвистический (критерий этнической и/или лингвистической принадлежности);
- культурно-исторический (критерий культурной – преимущественно, религиозной – преемственности; этим критерием определяются такие востоковедческие дисциплины как буддология, исламистика и др.);
- экономико-политический (или геополитический).

Наибольшей научной строгостью обладает, на наш взгляд, первый, в силу конкретной географической определенности и отождествления неопределенного понятия «Восток» с относительно определенным географическим понятием «Азия» (Азия не имеет чётких и общепризнанных границ с Европой, но определить географический контекст научной дисциплины «востоковедение» от «африканистики», по крайней мере, не представляет сложности). Географическая идентификация обладает преимуществом также и потому, что территория (ограниченное пространство) является наиболее статичным элементом системы «Восток».

Этнолингвистический критерий – наиболее динамичный и, в силу этого, наименее чётко определенный. Этнолингвистический контекст понятий «страны Востока» и «народы Востока» наиболее неопределен и не совпадает с контекстом географическим, например, на Кавказе, Урале, на Ближнем Востоке и т.д. Именно этим объясняется своеобразная географическая биллокальность предмета кавказоведения, финно-угроведения и арабистики как востоковедческих дисциплин.

Согласно третьей традиции все неевропейские культуры и их носители – неевропейские народы – могут причисляться к восточным, в том числе – африканские (как древние, так и современные). Несмотря на очевидную понятийную некорректность, этот подход был в прошлом веке и остается в наше время весьма популярным.

Еще более некорректным (с точки зрения науки недопустимо некорректным) является четвертый подход, позволяющий относить к восточным странам и народам все страны и народы третьего мира. Так, например, говоря о Востоке в геополитическом контексте, нередко имеют в виду не только страны Азии, но и отчасти страны Африки и даже Латинской Америки, то есть некую цивилизационную не-западную «инаковость», всю совокупность государств, составляющих так называемый «развивающийся мир». В эту же категорию можно отнести политэкономическое концепт-понятие «азиатский способ производства» и соответствующую ему историческую концепцию, не имеющую сколько-нибудь исторически адекватного и логически корректного обоснования.

Подводя итоги, стоит также заметить, что только первый подход является логически и методологически позитивным, так как определяет понятия «страны Востока», «народы Востока», исходя из их внутреннего содержания. Третий же и четвертый демонстрируют неконструктивно негативистский способ определения от противоположного. Именно поэтому в объем понятия-качества «восточность» попадают регионы, страны, культуры, народы, ментальности никакого отношения к европейскому востоку (к Азии) не имеющие, например, исторические и современные страны, культуры и народы Африки и даже Латинской Америки. Это и понятно, если игнорировать географические критерии (вернее, руководствоваться одним всеобщим

критерием – «а Земля-то круглая»), то и Запад может оказаться на востоке и Восток на западе, и ацтеки с инками и нигерийцы с эфиопами могут считаться восточными (в глобалистском и цивилизационистском смысле) народами. Кстати, для народов Западной Европы в средние века и даже позднее Востоком были и страны Восточной Европы. А Россия и русская православная церковь (восточное христианство) и сегодня для многих – предмет восточных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
2. Страбон. География в 17 книгах. – М.: Наука, 1964. – С. 944.
3. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990. – 435 с.

Поступила в редакцию 10.07.2018 г.

ORIENTAL STUDIES IS A DELICATE MATTER, OR PEOPLES OF THE EAST – WHO ARE THEY?: THE EXPERIENCE OF TERMINOLOGICAL ANALYSIS

G. E. Danilenko

The article analyzes the basic concepts of modern oriental science. The different types of reception and interpretation of such concepts as «Oriental studies», «East», «countries of the East», «people of the East» are determined there. The article proposes some principles and criteria according to which, in the opinion of author, it is necessary to make a terminological rethinking of these concepts.

Key words: East, Oriental Studies, Eastern countries, peoples of the East, terminological analysis.

Даниленко Геннадий Эдуардович
старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет»
E-mail: gddgtu@mail.ru

Danilenko Gennady Eduardovich
Senior Professor of the Chair of Philosophy,
SCE HPE «Donetsk National Technical University»
E-mail: gddgtu@mail.ru